

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №11 25/11/2012– www.afficha.info

Три девицы под окном...

Екатерина Богопольская

К гастроллям в Париже Петербургского Малого драматического театра со спектаклем Льва Додина «Три сестры» (МС93 Vobigny).

Театр Льва Додина в Париже любят. История началась двадцать лет назад, когда потрясенные зрители театра Бобиньи Vobigny впервые увидели «Гаудеамус» и сразу заразились энергией и волшебной легкостью труппы молодых актеров-учеников Додина. С тех пор много воды утекло, имя Додина и Малого драматического (его называют просто théâtre Maly по аналогии с знаменитым Большим) плотно вошло в сознание французов, и даже стало синонимом русской актерской школы, школы психологического театра. Хотя не все спектакли последних лет (а додинский театр гастролирует в Париже довольно часто) принимали одинаково: труппа оставалась блестящей, но явно сказывалась какая-то режиссерская усталость, как будто Малый драматический и его прекрасное искусство выпали из своего времени, все больше ассоциируясь с прошлым.

Но «Три сестры», показанные в Париже в ноябре этого года, опять заставили поверить, что Додин живет не прошлой славой, что он все еще великий режиссер. Удивительный спектакль затронул зрителей разного поколения, и не было, пожалуй, ни одного издания, которое бы не откликнулось восторженной рецензией на «Три сестры» Льва Додина. (Заметим, что спектакль шел 6 дней при полном аншлаге).

Photo Victor Vassiliev

Пьеса казалась бы зачитанная, заигранная, все три часа держит в напряжении. Додин и его актеры сочиняют свой спектакль между строк, в хрестоматийных монологах открывая новые неожиданные смыслы. «Три сестры» Малого драматического - спектакль

экзистенциального отчаяния. И какая-то нетеатральная тоска в финальных – «Если бы знать», за которыми слышится-угадывается почти вопль: за что, Господи?

Экзистенциальная пустота подчеркнута и в минималистской сценографии Александра Боровского: посредине сцены – дом, деревянная изба с пустыми глазницами оконных проемов. Дом открытый всем ветрам. И всем бедам. Замечание Вершинина об уюте воспринимается, как саркастическая шутка. Да и не живут сестры в доме - почти все действие персонажи ютятся на крыльчке перед домом, вынесенным почти что в зрительный зал.

Три сестры больше не недостижимые музы, а три одинокие женщины, измученные бесплодной тоской о любви. Додин словно разбивает миф о праздных возвышенных нытиках, с тихой отрешенностью наблюдающих уходящую от них жизнь. Вместо абстрактной «тоски о лучшей жизни» режиссер предлагает мучительный сюжет о несостоявшихся жизнях. Нет тихого нытья. Стонут в голос, или отпадно язвят, как доктор Чебутькин (Александр Завьялов) - от отчаяния. И даже Ирина Елизаветы Боярской уже с первого действия не наивная барышня, в ней с самого начала угадывается совсем не детская горечь.

Photo Victor Vassiliev

Мужчины, даже военные, здесь, бог знает отчего, - слабые, потерянные, выдохшиеся. Тузенбах Сергея Курышева бесконечно напоминает возвышенных и по-детски наивных романтиков Достоевского. Вершинин–Петр Симак, напротив, так потрепан жизнью и судьбой, что в нем ничего романтического не осталось вовсе – в такого можно влюбиться только от полной безысходности. Или еще по извечной русской присказке – жалеют, значит любит. (Вообще, то, что все военные в униформах советского времени, решительно отсылает к фигуре Пряслина, сыгранного Петром Симаком в легендарном додинской спектакле «Братья и сестры»). И даже история Наташи неожиданно и непафосно попадает в общий поток несчастий. Наташа здесь тоже переживает вместе с сестрами, тянется к ним, даже если ей, в самом деле, не дано так тонко чувствовать, как им. В конце концов, Наташа любит Протопопова не меньше, чем Маша Вершинина. А кого ей, в самом деле, любить? Ну не любить же ей, право, странного неудачника, так и не сумевшего выйти из детства Андрея Прозорова (Александр Быковский)? В спектакле Додина, в самом деле «три пуда любви». Каждой из сестер он дарит страстное объятие, не предусмотренное в чеховском тексте. Даже Ольге. Когда Кулыгин (Сергей Власов) походя говорит Ольге (Ирина Тычинина), что если бы не Маша, он бы женился на ней, старшая сестра словно разбуженная этим признанием отвечает ему

поцелуем, и он неожиданно заключает ее в объятия. Короче, здесь всем, кажется, находят оправдание. Право на любовь дадено даже Кулыгину, которого обычно изображают исключительно как предмет для осмеяния, как самодовольного дурака. Здесь не так, вдруг оказывается, что он страдает от нелюбви Маши, и оттого, в самом деле, невольно тянется к Ольге.

Страсти кипят и в бретере Соленом - не только же из чувства уязвленного самолюбия, в конце концов, он вызвал на дуэль Тузенбаха. И вот Ирина, только что холодно отвергнувшая признание в любви Соленого, вдруг лихорадочно сама ищет его губы. А потом буквально расстилается по полу от отчаяния за собственную не то слабость, не то наоборот, решительность. Знаменитые «В Москву...», которыми заканчивается третий акт, Ирина почти воем воет.

Но все равно, главное очарование додинского спектакля даже не открытие новых смыслов, а в течении самой сценической жизни, подробно, захватывающе в каждый отдельный миг сыгранной актерами. Можно долго рассказывать придуманный этюд, когда Тузенбах, прощаясь навсегда с Ириной, вдруг с затаенной страстью и вместе с тем совершенно целомудренно начинает покрывать поцелуями ее сапожок. Так и хочется воскликнуть - какая боль, какая жалость. Как все нелепо! Интонация щемящей жалости от абсурда всего происходящего столь явственна, что от нее даже защищаются - почти ернической «тарабумбией»: «сiju на тумбе я, и горько плачу я, что мало значу я».

Все действие заканчивается в тишине, посреди которой возникает нежная, похожая на шарманку, мелодия карманных часов Чебутыкина.